

СЕМИОЗИС В ДЕЙСТВИИ¹

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

Публикуется полный текст доклада, прочитанного в 2006 году и фактически подготовивший возвращение к проблеме семиозиса в настоящее время (см. серию статей: [1–3]).

Ключевые слова: семиозис, естественный семиозис, достаточный семиозис.

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, принято (вслед за Чарльзом. Моррисом) называть *семиозисом*. Логико-рациональное осмысление универсальной сути семиозиса привело к разрыву между теоретическими моделями и тем, что в реальных обстоятельствах успешно обеспечивает процессы означивания у пользующегося языком человека. Моррис в свое время справедливо отметил, что «Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта». Причина этого вполне понятна, поскольку, по словам того же Морриса, общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака. И хотя далее сам Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса, повсеместно акцент был сделан на теоретизировании в области системы отношений между компонентами семиозиса, измерений и уровней семиозиса и т.п. Это вполне согласуется с указанием Умберто Эко на то, что семиология изучает **не** мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова). Более того, вслед за Чарльзом Сандерсом Пирсом, исследователи поместили в фокус внимания логический аспект теории знака, и предложенная Пирсом весьма продуктивная идея семиозиса как перевода не получила выхода за пределы системы знаков. Как подчёркивает в этой связи Умберто Эко, «... *интерпретанта* это не *интерпретатор*, т.е. тот, кто получает и толкует

¹ См. тезисы доклада: Залевская А.А. Семиозис в действии // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: ХУ международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тез. докл. (Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г.). Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»). С.112–113. Полный текст доклада публикуется впервые (в редакции 2006-го года),

знак... Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора». Однако на деле в опирающихся на работы Морриса и Пирса исследованиях обычно имеет место подмена названных понятий (а именно – интерпретанты и интерпретатора), что в значительной мере обусловлено широко известным «семантическим треугольником» Огдена и Ричардса, моделирующим знаковую ситуацию, которая многими воспринимается как прямо отображающая процесс означивания у индивида, хотя сами авторы разграничивали внешний и внутренний (психологический) контексты.

В последние годы предпринимаются попытки выйти за рамки «треугольника значения» в «трапецию значения», «психосемиотический тетраэдр» и т.д., что можно трактовать как поиск ответа на вопрос: во что же – в конечном итоге – «переводится» словесный знак? При этом происходит неизбежный выход за пределы семиотики, поскольку в центре внимания оказывается то, что лежит **за словом** у пользующегося им человека, обеспечивая успешность процессов означивания.

К числу примеров такого поиска путей перехода от «чистой» теории к реальным процессам семиозиса можно отнести детальный разбор особенностей перцептивного семиозиса и договорного семиозиса, или семиозиса по контракту, в книге Умберто Эко «Кант и утконос», изданной в 1999 году, трактовку достаточного семиозиса в работах Хорста Рутрофа (1998, 2000 гг.), инференциальную теорию знака, разрабатываемую Патрицией Виоли (2001 г.).

На этом фоне представляется несомненной актуальность исследования специфики того, что я предлагаю называть СПОНТАННЫМ, или ЕСТЕСТВЕННЫМ, семиозисом, имеющим место в любой момент нашей речемыслительной и коммуникативной деятельности. Вполне очевидно, что *с этих позиций* знак в принципе не может ничего значить в отсутствие интерпретатора. Обратим особое внимание на то, что в таком случае в фокусе внимания оказываются потребность индивида именовать вещи и его способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного. Иначе говоря, речь идет о процессах означивания и идентификации и об используемых при этом стратегиях и опорах, без которых знак как таковой для индивида существовать не может.

При этом важно разграничить первичное означивание при овладении знаком и вторичное означивание при дальнейшем пользовании им, а также признать, что процессы именования и идентификации *не* являются зеркальными даже для одного и того же

индивида, поскольку они различаются не только по целям и направленности, но – прежде всего – по характеру лежащего за ними специфического *внутреннего контекста*, направляющего как ход самого процесса, так и принятие решения на его завершающем этапе. Более того, и процесс именованного «для себя» в значительной мере отличается от процесса именованного «для других», поскольку в первом случае нам оказывается достаточным лишь намёка на подходящий внутренний контекст, в то время как для второго необходимо использование некоторого принятого социумом знака, способного актуализовать у собеседника в какой-то мере близкий **его** внутренний контекст. Хочу обратить внимание присутствующих на то, что разграничение и объяснение особенностей ситуаций пользования единицей языка «для себя» и «для других» было сделано и обосновано мною в работе «Проблемы организации внутреннего лексикона человека», опубликованной в 1977 году и лишь воспроизведенной в книге «Избранных трудов» в 2005 году. Это уточнение представляется мне необходимым в связи с тем, что в зарубежных статьях появились ссылки на недавнюю публикацию работы Дэна Слобина о «думании для говорения» как весьма перспективном аспекте исследования. Не исключаю, что эта идея будет подхвачена и у нас как пришедшая с Запада, поскольку «нет пророка в своем отечестве». Скорее всего произойдет то же самое, что случилось с предложенной мною в том же 1977 году трактовкой лексикона человека как динамической самоорганизующейся системы и сделанной тогда же попыткой объяснить специфику функционирования слова как единицы лексикона с позиций голографического принципа хранения и считывания информации. В те годы эти идеи не были замечены, а теперь каждый считает необходимым говорить о динамике как само собой разумеющемся принципе функционирования языковых явлений.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что человек как субъект процессов именованного и идентификации поименованного выступает как продукт взаимодействия комплекса «начал» – *индивидуального* и *социального*, *чувственного* и *рационального*, при этом и называние, и понимание всегда связаны с *эмоционально-оценочным* переживанием именуемого или идентифицируемого. Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков с учётом того, что такая система является лишь медиатором (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном

личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземлённой практике) не может выполнять свои функции. Это в свою очередь требует отказа от традиционных моделей знаковой ситуации и перехода на динамичные по своему характеру модели выбора стратегий и опор, обеспечивающих итоговой «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта при взаимодействии разума с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями. Тем не менее теоретически мы можем оставаться в русле идеи непрерывного процесса семиозиса, принимая гипотезу У. Эко, согласно которой *«интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта»*, однако с уточнением, что в данном случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора (как это должно быть согласно постулатам «чистой семиотики»), а у него самого как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов (не случайно сам У. Эко приходит к идее «перцептивного семиозиса»).

Такая трактовка сути и специфики естественного семиозиса позволяет объяснить, почему именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как «зеркальные» процессы (в первом случае мы *знаем*, что, в каком ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем в определённых целях, во втором – нам *нужно установить*, что лежало за именем для кого-то другого), а взаимопонимание всегда возможно только в определённых пределах, ограничиваемых степенью сходства предшествующего опыта (как личного, так и общекультурного). В этой связи представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале понимания» как континуума: крайние точки («пороги») такого интервала отграничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и может поэтому увести от искомого, либо чрезмерную обобщённость понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной (см. понятие «достаточного семиозиса» у Хорста Рутрофа). Подобные «недолёты» и «перелёты» – обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень «перевода знаков», поиска нужной «интерпретанты», который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов (это отображает предложенная мною спиралевидная

модель идентификации слова и понимания текста). Заметим, что решающую роль при этом может сыграть и тот или иной уровень обобщения, и любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида.

То, каким образом это может происходить, попытаемся проследить на некоторых примерах.

В качестве первого примера можно взять размещённое в Интернет описание одного эксперимента, в котором современных детей-первоклашек попросили нарисовать картинку по четверостишью Пушкина:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямицик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Я прежде всего хочу выразить мою глубокую признательность Стелле Наумовне Цейтлин за то, что она переслала мне тот интереснейший материал. Для тех, кто с ним не знаком уточню, что из первых двух строк самое сильное впечатление на детей произвели слова *летит* и *взрывая*. Этого оказалось достаточным для того, чтобы представить себе некоторую ситуацию, на основе которой с опорой на выводные знания переживалось, домысливалось и достраивалось замещение того, что лежит за незнакомыми словами *бразды* и *кибитка*. Давайте проследим, как это происходило.

Итак, если что-то *летит*, то уж конечно – по небу! Значит, *кибитка* – это какой-то летательный аппарат. А может он похож на кубик, раз это слово звучит почти как *КУБитка*? Главное, конечно, в том, что этот самый аппарат не просто летит, а ещё и *взрывает!!!* Ну прямо как в фильмах и привычных компьютерных играх! А на кого или на что направлены эти взрывы? Естественно, на разбегающихся живых существ, о которых прямо сказано, что они *пушистые*. Значит, *бразды* это зверюшки какие-то.

Вторая пара строк не менее интересна, но по-другому. Прежде всего детям понятно, что *ям-щик* – это дяденька, который роет ямы. Раз так, у него в руках должна быть лопата. А если он в тулупе и с лопатой, то скорее всего у него большая борода, лохматые волосы, и вообще – бомж какой-то. К тому он же *сидит* на непонятном *облучке*: может на *ободочке*? Или просто попу взрослые так культурно называют – *облучком*, а сидит-то он на земле?

Наверное, все уже представили нарисованные детьми картинки как своеобразные продукты СЕМИОЗИСА В ДЕЙСТВИИ, в значительной мере отличающегося по целому ряду параметров от классической семиотической трактовки семиозиса как замены вербальных интерпретант. Возможно, некоторые из присутствующих попутно вспомнили аналогичные случаи из практики своего собственного общения не только с детьми, но и со взрослыми, в том числе – с коллегами в ходе обсуждения высоко научных проблем. Общеизвестно, что даже при пользовании одними и теми же терминами, которые по определению должны быть однозначными, мы нередко фактически говорим о разных вещах, включая слышимое (или читаемое) в свой собственный внутренний контекст живого знания и переживания, которые не могут быть беспристрастными и опирающимися исключительно на зарегистрированные словарями перечни необходимых и достаточных признаков соответствующих понятий, ныне огульно называемых «концептами».

Возьмем для наглядности ещё несколько примеров из того, что нас окружает в повседневной жизни.

Вопрос: *«Что это у вас тут всё на Дюймовочек?»*

Ответ: *«А мы чехлы на танки не возим!»*

Представили себе эту ситуацию? Где она могла иметь место? Кто её участники? Что лежит в основе реконструкции этой ситуации? Сможет ли иностранец, знающий все входящие в эти высказывания слова и хорошо ориентирующийся в грамматике русского языка, осуществить такую реконструкцию?

А вот несколько «перлов» из репортажей спортивных комментаторов:

- *Из-за радости, что забил гол такому сильному противнику, Барджо повесился на воротах!*
- *Арбитр достал из штанов удаление.*
- *Португальцы идут впереди. Свой зад они просто забросили.*
- *Посмотрите, как великолепно отливает под всадницей конь!!!*

Несмотря на всю двусмысленность и несуразицу, не замечаемую самим говорящим, УСПЕШНЫЙ СЕМИОЗИС вполне достигается. Сейчас нам смешно, а по ходу репортажа едва ли слушатели замечали, что футболист *не повесился на воротах*, а *повис* на них; арбитр достал из штанов *карточку*, соответствующую ситуации удаления, а не что-то другое; и т.д.

Как бы то ни было, все эти и подобные им примеры наглядно демонстрируют вполне очевидный факт: реальный семиозис не ограничивается языком, а лишь опосредуется им.

Таким образом, вполне очевидно, что настало время для разработки психолингвистической теории семиозиса, имеющей большую объяснительную силу за счёт опоры на психолингвистическую же теорию языка как достояния индивида. При этом становится всё более очевидной необходимость уточнения или даже пересмотра ряда традиционно используемых терминов, первоначально использовавшихся в аналитической философии, логике, теоретической лингвистике и нередко без соответствующих комментариев применяемых в психолингвистических работах. Например, в дополнение к разграничению *референции в языке* и *референции в речи* важно сделать ещё один шаг в направлении человека и определить специфику референции в языковом сознании и подсознании. То же самое относится к понятиям идентификации, репрезентации и т.п., поскольку содержание таких понятий окажется весьма различающимся для целей и условий, например, теоретической лингвистики, машинного моделирования интеллектуальных процессов и для рассмотрения ситуации естественного семиозиса.

Ещё раз уточню, что в последнем случае речь идёт прежде всего о выявлении и объяснении механизмов означивания «для себя», т.е. процесса поиска опор для переживания языкового знака как понятого в условиях функционирования языка как «живого знания». Это делает недостаточными традиционные подходы к проблемам семиозиса, обычно останавливающиеся на уровне описываемого словарями значения слова, в то время как в реальных условиях речемыслительной деятельности и общения значение выполняет функцию средства (промежуточного звена, или медиатора), который позволяет «высветить» в индивидуальном образе мира определённый «сегмент», так или иначе «помеченный» в плане эмоционально-оценочных переживаний. Следует особо подчеркнуть, что без обеспечиваемого таким образом выхода человека на единую перцептивно-когнитивно-аффективную информационную базу (при постоянном взаимодействии тела и разума, осознаваемого и неосознаваемого, непосредственно актуального и опосредованного выводными знаниями разных видов) никакое понимание и взаимопонимание вообще состояться не могут.

С позиций развиваемого подхода предлагается рабочая гипотеза, согласно которой в ходе естественного семиозиса идентификация вербальной единицы может реализоваться на разных уровнях внешнего или

внутреннего контекста с использованием различных стратегий и опор, имеющих универсальный характер для человека как представителя вида при некоторых расхождениях в степени актуальности тех или иных стратегий и опор для разных ситуаций речемыслительной деятельности и общения, для условий различающихся языков и культур. Каждый возможный подуровень внешнего или внутреннего контекста может дать основания для актуализации множественных связей (в том числе по линиям выводных знаний, воображения, эмоционально-оценочных переживаний), что таит в себе опасность срабатывания принципа «испорченного телефона» и может вести к тем или иным межличностным или межкультурным расхождениям в продуктах семиозиса.

В качестве теоретической основы исследования выступают: во-первых, концепция ментального лексикона как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы; во-вторых, трактовка слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе индивида; в-третьих, голографическая гипотеза «высвечивания» через посредство слова определённого сегмента индивидуального образа мира во всём богатстве объектов, качеств, связей и отношений вместе с множественными выводными знаниями и эмоционально-оценочными переживаниями, которые учитываются на различных уровнях осознаваемости и в случаях переноса фокуса внимания могут быть выведены на «табло сознания»; в-четвёртых, концепция специфики индивидуального знания в его соотношении с коллективным знанием, получившая обоснование в книге «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» (1992); в-пятых, спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, предложенная мною в 1988 г. и выгодно отличающаяся от статичных, плоскостных моделей своей изначальной динамичностью и объёмностью, учётом взаимодействия внешних и внутренних факторов, сочетанием обращения к прошлому опыту и прогнозирования вероятных путей дальнейшей развёртки внутреннего и/или внешнего контекста в зависимости от состоявшегося уровня идентификации и учёта множественных «горизонтальных» и «вертикальных» связей по линиям разнообразных признаков, признаков признаков, выводных знаний, эмоционально-оценочных переживаний и т.д. Эта модель способна описывать особенности системы, для которой неприемлема жёсткая детерминированность поиска, которая имплицитно моделируется моделями алгоритмического типа.

Развитие мировой науки на рубеже XX–XXI вв. доказало актуальность и обоснованность развиваемого теоретического подхода, который отличается от чисто умозрительного теоретизирования последовательной опорой на результаты многолетних экспериментальных исследований. Задача работы на сегодняшний день – это дальнейшее раскрытие возможностей рассматриваемого подхода, в том числе – его многогранного эвристического потенциала для объяснения механизмов спонтанного семиозиса в условиях функционирования языка как живого знания.

Список литературы

1. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме семиозиса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 / URL: http://iling-ran.ru/main/news/160930_vpl
2. Залевская А.А. Различные подходы к проблеме семиозиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 4. С. 36–42.
3. Залевская А.А. «Достаточный семиозис» при взаимодействии языков и культур //Лингвистика XXI века: традиции и перспективы: материалы всероссийск. науч.-практич. конф., посвящённой 75-летию факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ (Тверь, 25 ноября 2016 г.) (в печати).

SEMIOSIS IN ACTION

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

The article presents a report of 2006 important for returning to semiosis problem in some new publications [1–3].

Key words: *semiosis, natural semiosis, sufficient semiosis.*

Сведения об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru